
В апреле этого года исполняется 85 лет одному из ведущих отечественных кантоведов, профессору БФУ им. Иммануила Канта Леонарду Александровичу Калининкову. Его работы, посвященные философии И. Канта, немецкому Просвещению и романтикам, хорошо известны нашим читателям. Леонард Александрович на протяжении 25 лет был редактором такого авторитетного издания, как «Кантовский сборник», а ныне является членом его международного редакционного совета.

Мы поздравляем Леонарда Александровича с юбилеем и желаем ему здоровья и творческих успехов!

О назначении *Opus postumum* в философской системе Канта

© 2021 г. Л.А. Калининков

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Калининград, 236041, ул. Александра Невского, д. 14.

E-mail: leo.kalinnikov@gmail.com

Поступила 04.02.2020

В статье, посвященной последней незаконченной работе Канта «Переход от метафизических начал естествознания к физике» (*Opus postumum*), сделано предположение, что Кант в ходе работы над книгой решил изменить ее название и дать новое и краткое – «Философия как наука», – расширив ее предмет. Основанием истинности философской системы, по убеждению Канта, может быть только ее успешность в качестве методологии науки. Поэтому Кант приходит к выводу, что философская система должна состоять из двух основных частей: 1) системы критики (анализа всех познавательных способностей души) и 2) доктрины, то есть теоретического научного знания как медиатора между философией и экспериментально-эмпирической наукой. Роль доктрины Кант и отвел своему *Opus postumum*, в ходе работы над которым философ выдвинул ряд гипотез, преодолевающих классические научные рамки. В построении системы философ исходил из принципа материального единства мира, поэтому доктрина должна была содержать три части. Соответственно и в *Opus postumum* имеются материалы, посвященные физике, биологии и антропологии. Кант вводит понятие гиперфизики, с которой связана идея первоматерии, называемой то теплородом, то светородом, то эфиром, отличающейся абсолютно тонкой всепроникающей структурой, способной быть основой любых вещей материального мира. Эти идеи открывали перспективу постклассической науки.

Ключевые слова: Кант, *Opus postumum*, философская система, критика, доктрина, философия, наука, физика, гиперфизика, биология, антропология.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-110-123

Цитирование: Калининков Л.А. О назначении *Opus postumum* в философской системе Канта // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 110–123.

About the Purpose *Opus postumum* in Kant's Philosophical System

© 2021 Leonard A. Kalinnikov

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, Alexandra Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation.*

E-mail: leo.kalinnikov@gmail.com

Received 04.02.2020

At the article devoted Kant's last unfinished work "The transition from meta-physical elements of the natural sciences to physics" (*Opus postumum*) is made an assumption that Kant in course of the working has decided to change the first title of book extend its subject end to give the new one – "The philosophy as a science". Only the successfulness of the philosophical system as the methodology of science can be the base of its truth. So, Kant comes to the conclusion a philosophical system must have two parts: 1 the system of critics (the analysis of all cognitions of the soul) and 2 the doctrine, i.e. the theoretical science knowledge as the mediator among philosophy and empirical science. Kant assigns a part of doctrine to *Opus postumum*. In the course of working at the manuscript Kant suggested number of hypotheses overstepping the limits of classical science. Kant proceeded from the principle of material unity of world in construction of the system so the doctrine should contain three parts. Accordingly in the *Opus postumum* there are materials devoted to physics, biology and anthropology. Kant introduces the notion of hyperphysics with which idea of a first substance is connected named by Kant a heat matter, or a light, or an ether – an absolutely thin all-penetrating structure could be the basis for every things of material world. This ideas opened perspectives of post-classical science.

Keywords: Kant, *Opus postumum*, philosophical system, critics, doctrine, philosophy, science, physics, hyperphysics, biology, anthropology.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-110-123

Citation: Kalinnikov, Leonard A. (2021) "About the Purpose *Opus postumum* in Kant's Philosophical System", *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 110-123.

Последняя и так и не осуществленная работа Канта, обдумыванию и подготовке которой он посвятил не менее десяти последних лет жизни, осталась в рукописных черновиках, состоящих из огромного числа собранных фактов, их оценок и попыток систематизации, в какой-то мере упорядоченных набросков текста – всего того, что в изданиях рукописных материалов Канта носит название *Reflectionen*, размышления. Весь этот материал составил два восьмисотстраничных фундаментальных тома – XXI и XXII в *Kant's gesammelte Schriften*, изданных в 1936–1938 гг. Наследниками архива Канта эти рукописи были бессистемно собраны в тринадцать так называемых «свитков», или «папок» («Convolut»), и в таком виде они и были изданы.

Труд этот почти не исследован в отечественном кантоведении, да и вообще в отношении него предстоит еще очень многое изучить и осмыслить. Перед исследователями этой работы Канта встают особые трудности. Прежде всего ее необходимо перевести на русский язык во всем объеме, только в переводе книга может стать фактом отечественной культуры. В 1966 г. для первого достаточно представительного собрания сочинений философа была переведена всего одна (XII) папка, получившая предполагавшееся Кантом название всей работы – «Об основанном на априорных принципах

переходе от метафизических начал естествознания к физике. 1798–1803» (Пер. Ц.Г. Арзаканьяна) [Кант 1964–1966 VI, 589–654]. Лишь в 2000 г. появился довольно основательный перевод пяти самых важных папок *Opus postumum* (IV, XII, X, XI и I), осуществленный С.А. Черновым. В своем введении к переводу [Кант 2000, 589–741] он проанализировал состояние изученности этого труда, из которого можно сделать вывод, что понимание его в решающей степени зависит от субъективных установок авторов, а оценка его далека от какого-либо единства. В значительной мере столь различное понимание сложного и неупорядоченного текста связано и с тем, что Кант не оставил общего плана работы.

Обычно такой план, если трактат достаточно сложен, приводится Кантом в конце введения к нему, когда, как правило, трактат уже написан. Например, обращаясь к проблеме создания плана в предисловии к «Пролегоменам ко всякой будущей метафизике», философ писал: «...как в строении органического тела, так и тут назначение каждого отдельного члена может быть выведено только из *полного понятия целого*» (курсив мой. – Л.К.) [Кант 1964–1966 IV (1), 77]. А в работе над *Opus postumum* такое понятие окончательно сложилось у Канта лишь тогда, когда на обработку подготовленного материала сил уже не осталось.

Как всегда в таких случаях, возникла герменевтическая проблема: *Opus postumum* нельзя понять, не приняв во внимание системы в целом, а систему нельзя понять, не учитывая назначения *Opus postumum*. Даже и системы в целом для понимания незавершенного труда Канта недостаточно, так как его содержание зависело и от состояния немецкой философии на рубеже XVIII–XIX вв.

В связи с этим я хотел бы предложить свой подход к интерпретации *Opus postumum*, основанный на понимании системы Канта как трансцендентальной антропологии, опирающейся на принцип *материального единства мира*, и представить некоторые соображения относительно обдумываемого Кантом плана и структуры работы, а также о назначении ее в общей системе.

Структура системы трансцендентальной критической антропологии Канта

Система, созданная Кантом, призвана была совершить подлинную революцию во всей истории философии, в которой он видел устойчивую, постоянно воспроизводящуюся антиномию догматизма и скептицизма. Кантов *критицизм* разрабатывался как синтез того и другого, предлагающий философии единый и верный путь: «...так как с объективной точки зрения может существовать только один человеческий разум, то не может существовать и многих философий, т.е. возможна только одна истинная философская система, построенная на принципах, как бы многообразно и часто противоречиво ни философствовали по поводу одного и того же положения» [Кант 1964–1966 IV (2), 113–114]. И он тут же поясняет эту претенциозную мысль: «...то, что *новая система* исключает все остальные, не умаляет заслуг их предшественников... так как без этих открытий их или даже неудачных попыток мы не пришли бы к единству истинного принципа всей философии в какой-то системе» [Там же].

Такая система, по замыслу Канта, то есть по исходной «идее целого», обладает двумя фундаментальными отличительными особенностями. Первая такая особенность состоит в том, что система, по убеждению Канта, должна состоять из двух основных частей: из *критики* и *доктринальной части*.

Критика как часть общей философской системы предполагает, в свою очередь, три части, в каждой из которых анализируются качественно специфические и взаимодействующие функции души. Кант называет эту триаду функций «способностями души в совокупности» [Кант 1964–1966 V, 199]. Из них каждая использует опять же три «познавательных способности» [Там же]: чувственность, рассудок и разум. В деятельности гносеологической функции основную роль играет рассудок, в ценностной функции, называемой Кантом чувством *удовольствия и неудовольствия*, такую роль исполняет, естественно, чувство, а в нормативно-практической функции, или *способности желания*,

основной познавательной способностью оказывается разум. Эти функции служат человеку при его активном взаимодействии с объективной реальностью, миром вещей самих по себе. Предметом философии как раз и является отношение между субъектом и объектом, человеком-деятелем и окружающим его миром.

Доктринальная часть универсальной системы философии – вторая образующая систему как целое часть – является ее содержательной основой, тогда как философия в качестве критики служит методологическим средством для философии как доктрины. Задача доктринальной части – рассмотрение объективного природного мира, который предстает субъекту в виде системного целого, состоящего из *мира явлений* и *мира вещей в себе*. Она – эта доктрина – занята познанием природной среды, которой разумный субъект порожден и в объективных условиях которой он обязан существовать. Основными проблемами доктринальной части являются поэтому причины возникновения разумных существ и последствия их существования в мире.

Кант называет эту часть философии доктриной, следуя значению латинского слова «doctrina» – наука, учение, что выражает вторую, принципиальную особенность философской системы Канта, а именно ее *научность*. Первейшая заслуга философии состоит в том, что на ее основе возникает наука; познавательная функция сознания в науке обретает свою институциональную форму. Наука и философия образуют в душе человека целостную духовную сферу, призванную к познанию причин явлений и предсказанию их будущего состояния. По сути дела, великий философ исходит из *принципа относительности философии и науки*. Только в единстве с наукой философия достигает своей полноты и зрелости и становится подлинной философией с того момента, когда начинает осознать, что «мыслить» еще не значит «познавать», что сознание способно творить и химеры.

«Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» содержат, наряду с тремя первыми, кардинальный четвертый вопрос: «Как возможна метафизика как наука?» [Кант 1964–1966 IV (1), 95]. Ответ на него дан философом в «Критике чистого разума»: научным, то есть подлинным знанием, знание становится только в том случае, если оно подтверждается экспериментально, а метафизика приобретает научный характер только тогда, когда она опирается на полную *совокупность всего возможного опыта*, в которую, разумеется, входит и действительный опыт. Кант обстоятельно обсуждает этот вопрос в «Предисловии» к «Метафизическим началам естествознания» и пишет: «...ясно также, что в соответствии с требованиями разума любое учение о природе в конечном итоге должно стремиться стать наукой о природе и в ней находить завершение» (курсив мой. – Л.К.) [Кант 1964–1966 VI, 57].

Чтобы философия стала философией в полной мере, она должна быть критической, она обязана отличать понятия, связанные со сферой возможного опыта, от пустых понятий, понятия содержательные от лишенных содержания.

Принцип относительности философии и науки включает в себе два аспекта. Первый совершенно очевиден, если иметь в виду философию критическую. Философия с этой точки зрения далеко не только наука. Она не ограничивается функцией познания, но служит формированию целей деятельности – то есть является еще и общей аксиологией – и способов достижения этих целей – то есть включает в себе еще и нормативно-практическую функцию. Второй же аспект состоит в том, что принцип относительности философии и науки не исключает *абсолютно* особой роли философии и в ее гносеологической ипостаси, не исключает ее *качественного отличия* от науки в области познания мира, поскольку универсальные отношения человека и природы суть особенный предмет именно философского познания.

О необходимости *Opus postumum* в системе как целом

Грандиозность замысла Канта потребовала времени и сил. Революция в науке, а тем более революция в философии, без колоссальной работы не могла быть осуществлена, она потребовала полной мобилизации всех умственных и физических сил.

Создание философии как критики сознания, определение ее (критики) функций и их всесторонний анализ в качестве основной части всей системы, по сути дела, и составляет совершенную в философии революцию. Кант закончил эту работу в 1790 г. с опубликованием «Критики способности суждения». К этому моменту философу было уже 66 лет. В предисловии к ней он писал: «Итак, этим я заканчиваю всю свою критическую работу. Я незамедлительно приступлю к доктринальной части, дабы, насколько это возможно, отвоевать у своей усиливающейся старости хоть немного благоприятного для этого времени. Само собой разумеется, что в ней не будет особой части для способности суждения, так как в отношении ее критика заменяет теорию; в соответствии с делением философии на теоретическую и практическую, а чистой философии – на такие же части, эту задачу решает метафизика природы и метафизика нравов» [Кант 1964–1966 V, 167].

Оба эти «само собой разумеющиеся» положения, как стало ясно в дальнейшем, вовсе сами собою не разумелись. Тут Кант ошибся. Во-первых, не только телеологическая способность суждения не заменяет теорию, поскольку механистический метод мышления есть частный случай телеологии, но и рефлексивная способность суждения (эстетический вкус) требует выяснения природы эстетической ценности как ценности целесообразной формы предметов и явлений, несмотря на то, что эта ценность формы *целесообразна* без непосредственной утилитарной цели. Во-вторых, и метафизика природы вместе с метафизикой нравов, оставаясь *чистой* метафизикой, не решают *доктринальной задачи*, оставаясь метафизикой, а не наукой.

Мы можем видеть, что ни опубликованная уже к этому времени работа под названием «Метафизические начала естествознания» (1786), ни «Метафизика нравов в двух частях» (1797) не решили доктринальной задачи и лишь развили и обогатили критическую часть системы. Задача детализации и разрешения все новых проблем философской критики не могла быть исчерпана, и Кант вынужден был заниматься ею и далее. Работа эта продолжалась, по сути дела, еще более десяти лет. Еще предстояло написать «Религию в пределах только разума» (1793), «Антропологию» (1798), «Спор факультетов» (1798), «К вечному миру» (1799) и множество других более мелких, но очень важных работ. Однако по мере роста популярности критической философии все яснее обнаруживалось, что без основательной разработки доктринальной части системы, предлагаемую Кантом, трудно понять и, следовательно, принять. Доктринальная часть системы, скрытая в недостаточно проясненном понятии *мира вещей в себе*, казалась при поверхностном взгляде излишней, а без нее система упрощалась и, по сути, извращалась, трансформировалась в идеализм трансцендентального типа. Чем дальше шло время, чем более старел Кант, тем яснее возникала перед ним эта тенденция. Система наукоучения И.Г. Фихте продемонстрировала ее уже в совершенно явной форме.

С непониманием Кант встретился с первой же своей «Критики», но это было непонимание сторонников догматической метафизики, которых он не надеялся переубедить; однако даже явно, как казалось, перешедшие на его позиции люди принимали новую философскую систему лишь в одной ее части – в критике способностей души, напрочь отвергая другую – мир объективной реальности. Основатель критицизма осознал, что существенный акцент на способностях субъекта при отсутствии достаточно разработанной доктринальной части есть «пробел» – не недочет даже, а дефект в изложении системы, который и далее будет порождать то же непонимание. Одно дело – нежелание понять, и совсем другое – отсутствие обстоятельно разработанных элементов системы, которые облегчают понимание, даже направляют к нему, стремятся исключить недопонимание.

Вот что писал Кант И.Г. Тифтунку по поводу «Основы общего наукоучения» Фихте (в окончательном виде она была опубликована в 1795 г.), уже около двух лет как присланной им Канту: «...если говорить о моем впечатлении от рецензии на книгу Фихте (свидетельствующей о большом пристрастии к нему рецензента), то мне представляется, будто я пытаюсь схватить призрак и каждый раз, думая, что мне это удалось, обнаруживаю не предмет, а только самого себя, даже только свою руку, протянутую

к призраку. Странное впечатление производит на читателя (курсив мой. – Л.К.) это чистое самосознание, причем только в своей мыслительной форме, без материи, следовательно, без того, чтобы рефлексия имела что-либо перед собой, на что могло бы быть направлено это самосознание и что выходит даже за пределы логики» [Кант 1980, 615–616]. Кант извиняется, ссылаясь на занятость, что не прочитал еще книгу. Однако характеристика, данная работе Фихте, говорит, что он держал эту книгу в руках и не раз листал ее. Подобный поворот его собственного «трансцендентального идеализма», в котором так обстоятельно и убедительно показана пустая суть всякого идеализма, и превращение его критической философии сначала в вариант берклианства, а теперь и в более изощренный вариант того же субъективного идеализма, по существу, ставил под вопрос дело всей жизни.

Однако дальнейшее движение философской мысли по пути, открытому системой наукоучения Фихте, предостеречь было уже невозможно. Трансцендентальный критический «идеализм» Канта, представляющий собою самый последовательный из вообще возможных *материализм*, в тех интеллектуальных условиях, в которых он возник, оказалось очень трудно понять и потому не менее трудно принять. Дальнейшее развитие философской мысли в Европе и мире пошло вслед за Фихте и стало плодить разнообразные в деталях, но одинаковые в своей философской сути формы *субъективного трансцендентального идеализма*.

«Заявление по поводу наукоучения Фихте», опубликованное в качестве обращения к широкой публике открытого письма 28 августа 1799 г. во «Всеобщей литературной газете», было шагом отчаяния. Кант все еще надеялся, что сможет направить философию по проложенному им для нее руслу. И потому писал, что «чистое наукоучение представляет собой только логику, которая со своими принципами не достигает *материального момента познания* (курсив мой. – Л.К.) и как *чистая* логика отвлечается от его содержания. Попытка выковырять из нее реальный объект представляет собой напрасный и поэтому никогда не выполнимый труд» [Там же, 625]. Завершил свое заявление Кант как оптимист, которым всегда и был: «Система критики покоится на прочной основе; непоколебимая навеки, она потребует человечеству и в будущем для высоких помыслов» [Там же, 626]. Надежда, как известно, умирает последней – выходит, после физической смерти самого уповавшего, и тот уже ни на что и никак повлиять не может. Судьбу решает только уже сделанное при жизни. И мы видим сейчас: строгое кантианство требуется далеко не только для высоких помыслов – оно уже послужило и еще послужит человечеству для достижения его *конечной цели*, гениально предсказанной Кантом.

Что за «пробел» оставался незаполненным в системе?

Отсутствие основательно разработанной доктринальной части своей системы Кант посчитал причиной, по которой новые философы не желали двигаться по проложенному им фарватеру. Кёнигсбергский мудрец осознал это как существенный пробел в своей системе, хотя вряд ли именно он был в этом отношении главной причиной. Ведь уже критические работы поставили все точки над *i* в предложенной им системе. Кант убедительно показал в «Критиках» существенное отличие содержательной трансцендентальной логики от общей логики, занятой лишь формой мышления при полном абстрагировании от содержания мысли. Убедительно показано было в них, что без понятия «*вещь в себе*», основное значение которого – *совокупность всего возможного опыта*, мышление теряет связь с реальностью и утрачивает свое *практическое* назначение как в отношении технически-практического, так и морально-практического своего применения, поскольку в обоих случаях оно является *конститутивным*. Доктринальная часть системы – только следствие правильно понятой критической части и требует лишь умения применить критические принципы.

Столь существенна и нова была совершенная Кантом революция, что на усвоение трансцендентального критицизма потребовалось не менее двух столетий. Именно это

стало, по-моему, основной причиной всех последующих в мировой философии событий. Слишком высоко вознеся этот человек над интеллектуальным миром своего времени. На пути овладения эвристическими возможностями разработанной им новой методологии мышления возникла интеллектуальная «плотина», основанием которой стали позитивистский эмпиризм, с одной стороны, и схоластический трансцендентальный идеализм, с другой, – классический разрыв между эмпиризмом и рационализмом на новом историческом уровне. Это философское противостояние служило серьезным препятствием, так как научное знание представляет собой органическое единство теоретического и эмпирического уровней. Без философии наука развиваться не может, а новомодная философия стоит на ее пути преградой. Осознание гипотетико-дедуктивной методологии в качестве совершенно необходимой в условиях, когда предметом науки становятся природные сущности, не данные непосредственно чувствам, происходило, по сути дела, стихийно и заняло почти целое столетие (с 20–30-х гг. XIX ст. по 20–30-е гг. XX в.). Очень часто ученые осознавали, что воспользовались методами мышления, разработанными Кантом, лишь *post factum*, потратив много сил и времени на то, что он заблаговременно приготовил для них.

Осознавая складывающуюся ситуацию, Кант спешил исправить ее из последних оставшихся у него сил. Вот что он писал по этому поводу 21 сентября 1798 г. профессору Хр. Гарве, жаловавшемуся Канту на свое здоровье: «...еще более прискорбен жребий, который выпал на мою долю. Вообразите, каково мне при довольно сносном состоянии здоровья быть чуть ли не в параличе как раз в умственных своих занятиях: представлять себе полное завершение своего замысла по отношению к философии в целом (касяся как целей, так и средств) и видеть, что все это еще не закончено, несмотря на то, что я уверен в выполнимости этой задачи – в сравнении с этим танталовы муки кажутся менее безнадежными. Задача, которой я сейчас занят, касается “Перехода от метафизических начал к естественному знанию к физике”. Ее надобно решить, иначе в системе критической философии останется пробел. Внимание разума к этому не ослабевает, сознание возможности этого – тоже, исполнение же, однако, затягивается по причине если и не полного паралича жизненных сил, то по причине все время возникающих затруднений – и это вызывает высшее нетерпение» [Там же, 616–617]. Буквально через месяц Кант о том же самом пишет И.Г.К. Кизеветтеру: «...пора критические занятия заканчивать, хотя еще остаются некоторые проблемы для обдумывания: а именно “den Übergang von den Metaph. A. Gr. Der N.W. zur Physik”; когда собственной части натуральной философии в системе не хватает, она не может быть доведена до завершения» [Кант 1972, 780].

«Пробел» между двумя сторонами системы в реальном сознании представал как разрыв между философией и наукой вместо их органического единства: налицо был скачок, перерыв постепенности – от умозрительности философии сразу к чувственно-эмпирической науке; переход от метафизики к теоретическому уровню науки отсутствовал, органической посредствующей связи между той и другой не было. «Метафизические начала естествознания» таким переходом не являлись, поскольку они, во-первых, рассматривались философом как *метафизические начала*, во-вторых, были посвящены «метафизике телесной природы» [Кант 1964–1966 VI, 62], а природа не ограничивается только системой тел (вещей), о чем Кант и пишет на первой же странице «Метафизических начал»: «...возможно двойное учение о природе – *учение о телах и учение о душе*, причем первое рассматривает *протяженную* природу, а второе – *мыслящую*» [Там же, 55]. И, наконец, в-третьих, «Метафизические начала естествознания» не могли быть в полной мере доктринальной частью системы критического трансцендентализма, ибо в них не было продемонстрировано, на материале науки, познание той части природного мира, которая представляет собой мир вещей в себе и которая познается только априорно (=умозрительно), только как умопостигаемый мир, а ведь именно в этом вся соль методологии научного познания, разработанной «Критикой чистого разума». Как не только непосредственно чувственно данные, а умопостигаемые вещи и образующие их закономерности могут быть проявлены

и стать явлениями, обогащающими действительный опыт, стать выявлением вещей опыта возможного – вот что конституирует подлинную науку, науку как она должна быть в своей непреходящей сути, которая не застывает в определенной исторической форме в конкретную историческую эпоху, а присутствует в бесконечно развивающемся историческом процессе.

Эти, по крайней мере три, недостатка «Метафизических начал естествознания», ограничивающихся сугубо философским и далеко не полным рассмотрением проблем, в то время как для полноты системы необходим был еще и аподиктический научный уровень их представления заинтересованному читателю, Кант и рассматривал в качестве существенного «пробела», свойственного не только «Критикам», но и работам меньшего уровня абстракции. Не лишена этих недостатков, по мнению Канта, и «Метафизика нравов», хотя она готовилась к печати в разгар работы над *Opus postumum* и в определенной мере учитывала это обстоятельство.

Итак, чтобы система критической трансцендентальной философии предстала как явленное целое, она должна быть разработана также в своей доктринальной части. Только единство ее критической и доктринальной частей послужат тому, чтобы, с одной стороны, сделать невозможным трансцендентальный идеализм (для чего нужна доктрина), с другой же стороны, исключить догматический трансцендентизм (к чему призвана критика).

Проблема общего плана

«Перехода от метафизических начал естествознания к физике»

Opus postumum и должен был, по намерению Канта, обеспечить разработку доктринальной части его системы – этот труд предназначался к тому, чтобы представить единую научную картину мира как целого, то есть не только содержать науку о телах (физику в узком смысле слова), но и науку о живых телах (биологию) и телах разумных, наделенных душой (психологию и социологию). Ведь Кант в критических своих работах и лекциях по метафизике всегда подчеркивал тот факт, что душа – это свойство тела, что нет и не может быть души без тела, помимо и независимо от телесной (материальной) природы. Все это вместе и будет представлять собою единую теоретико-эмпирическую доктрину. Ограничить науку одной только телесной природой – естествознанием в узком смысле слова – было бы явно недостаточно. В этом случае доктринальное содержание критического трансцендентализма Канта мало отличалось бы от традиционного догматического трансцендентизма.

Опору в доктринальной части обязаны находить все три «Критики», то есть и «Критика практического разума» с «Критикой способности суждения». Две последние почти всецело посвящены разумной жизни, первая же «Критика» лишь по необходимости затрагивает эти проблемы, будучи тесно связанной с «учением о телах», то есть с основами уже имеющейся в наличии классической физики, аксиоматическая база которой была заложена Ньютоном.

Поэтому перед Кантом стояла сложная двуединая задача (так случилось, что всей европейской науке потребовалось для ее решения целых два столетия – XIX и XX). Первая сторона этой задачи – сформировать аналогичную с физикой теоретическую базу биологии с нейрофизиологическим ее разделом и теоретические основы психологии и социологии совместно с историей, что находит свое обобщение в понятии «наука о душе». Еще в «Метафизических началах естествознания» Кант писал: «Если слово природа берется только в формальном значении, означая первый, внутренний принцип всего, что относится к существованию той или иной вещи, то наук о природе возможно столько же, сколько имеется специфически различных вещей, и каждая из этих вещей должна иметь свой собственный внутренний принцип определений, относящихся к ее существованию» [Кант 1964–1966 VI, 55]. Однако постулат сосуществования множества наук никак не работает на принцип материального единства мира – ключевой принцип всей философской системы Канта. Поэтому он пишет

далее: «Но слово *природа* употребляется и в материальном значении, не как свойство той или иной вещи, а как совокупность всех вещей, поскольку они могут быть *предметами наших чувств*, а стало быть и опыта» [Кант 1964–1966 VI, 55], в какую совокупность входят как неодушевленные, так и одушевленные вещи.

Отсюда проистекает вторая сторона задачи: показать *материальную основу* природы как абсолютного целого, основу, объясняющую существование единого мира со всеми его вещами, их свойствами и отношениями между ними. А такой основой может быть только *физика* как наука о формах и свойствах *материи вообще*. Следовательно, физика в том виде, в каком она сформировалась в XVII–XVIII столетиях (физика времен Канта, физика как механика, как наука о чувственно-данном перемещении тел в пространстве), должна стать *более общей, более абстрактной* – такой, конкретизация принципов которой могла бы служить теоретическим базисом науки как о живой, так и разумной материи, а не только материи неодушевленной.

Ограниченность механицизма осознавалась Кантом еще со студенческих времен. Необъяснимость с позиций механицизма жизни вообще и разумной жизни и была во многом причиной всей совершенной им в философии революции. «*Можно ли сказать: дайте мне материю, и я покажу вам, как можно создать гусеницу?*» – вопрос, приведший философию в ее новое состояние и который Кант завершает следующими известными словами: «Поэтому пусть не покажется странным, если я позволю себе сказать, что легче понять образование небесных тел и причину их движения, короче говоря, происхождение всего современного устройства мироздания, чем выяснить *на основании механики* (курсив мой. – Л.К.) возникновение одной только былинки или гусеницы» [Кант 1964–1966 I, 126–127].

Итог этих размышлений вылился в телеологический метод мышления о системах с целями, органических и разумных, эксплицированный Кантом во второй части «Критики способности суждения». Здесь же Кант впервые в методологии научного теоретического исследования воспользовался *методом соответствия*, показав, что механицизм есть редуцированный, то есть частный, случай телеологии. Это было ясно великому философу уже в период работы над «Критикой чистого разума», так как максимально полное выражение телеологии находит в природе морального поведения, в категорическом императиве (подробнее см.: [Калинников 1988]), а основы теории практического разума содержатся уже в первой Кантовой «Критике» – она вовсе не есть *только* трактат по гносеологии, но представляет собою в то же время *краткий очерк всей системы*.

Занимаясь проблемой основания морали в системе Канта, вопросом о ее *автономии*, еще в 1993 г. я писал, что Кант совершает в философии *антропологический переворот*: «Он в основу объяснения бытия кладет факт существования человека со всем набором его исключительных качеств. *Из свойств человека он стремится объяснить свойства бытия, а не из свойств бытия – свойства человека*. Все проблемы философии им сводятся к одной – «Что такое человек?», а эта проблема трансформируется в проблему «Что такое и как возможна свобода?», последняя же – в проблему «Что такое и как возможна мораль?». По сути дела, для обоснования существования морали построена величайшая в истории философской мысли система» [Калинников 1993, 107].

Существование морали *в качестве природного явления* – вся кантовская система построена ради объяснения этого факта.

Фундаментальные проблемы антропологии в качестве не только философии, но и науки, проблемы укорененности человека в природе (в самом общем смысле слова) остаются для Канта главными, определяющими проблемами и в *Opus postumum*. Научная картина мира как материального целого, обеспечивающего в том числе существование человека, есть конечная цель создания *Opus'a*. *Эта работа и должна была составить доктринальную часть системы*. Она должна была, следовательно, определить и всю структуру этой работы, общий план которой в таком случае предполагал следующие три раздела:

1. Теоретические основания науки о неживой материи – физики, – поскольку законы неживой материи свойственны и материи одушевленной.
2. Теоретические основания науки о жизни – биологии, базирующейся на биофизике и биохимии.
3. Теоретические основы науки о человеке и обществе – антропологии, социологии, истории, – возможность которой заложена в физике и биологии.

Два последних раздела в момент завершения работы над «Критикой способности суждения» объединялись Кантом в одно целое, так как телеологический метод служит познанию их обоих. Есть здесь, правда, одно существенное, с точки зрения Канта, различие: если в области науки о человеке и обществе телеологические принципы играют конституирующую роль, то в науке о жизни они применяются лишь по аналогии с разумной жизнью и являются только *регулятивными*, условно-вспомогательными.

Рефлексивная способность суждения и «ее принципы в системе чистой философии не должны составлять собой части, а в случае необходимости могут примыкать то к той, то другой из них» [Кант 1964–1966 V, 167]: то к теории природы, то к теории морали. Однако это верно, да и то лишь отчасти, применительно к рефлексивной способности суждения вкуса, поскольку эстетическое и художественное отношения субъективны по своей природе и к объективному миру, как кажется, не причастны.

Уже работа над «Критикой способности суждения», а тем более над *Opus postumum*, привела к необходимости ввести *принцип относительности конститутивности и регулятивности суждений*. Всякое трансцендентально-логическое деление понятий должно быть трихотомическим. Рефлексивная способность суждения одновременно и конститутивна, и регулятивна; и доктрина мира должна делиться на три части, а работа состоять из трех разделов.

Три вида материи в свете назначения *Opus postumum*

По большей части Кант называет готовящуюся им работу «Переходом от метафизических начал естествознания к физике». Слово «переход» здесь – основное. Канта занимает именно *переход* от метафизических начал естествознания к теоретическим основам науки в целом. Базисом такой науки должна стать новая, универсальная физика. Она не может быть классически-ньютоновской: нужна новая революция в физике. Главное в этой революции – становление теоретической физики, ее надэмпирического уровня, априорно логически изменчивого и побуждающего к совершенствованию ее экспериментальной базы. Такая физика смогла бы стать теоретико-эмпирическим базисом всей науки в целом. «Переход содержит в себе вообще принципы а priori **исследования природы...**», – пишет Кант. И продолжает: «Для того, чтобы достичь физики, я не могу идти вперед *объективно* посредством агрегирования движущих сил и переходя от одного к другому в многообразии явлений, так как это был бы прыжок через пропасть (метафизических начал), – но я должен субъективно, а priori формально, в целом представить принципы возможного опыта для целей исследования природы как *пути постепенного достижения физики* (курсив мой. – Л.К.) как системы опыта, и форма системы в этой градации должна предшествовать, чтобы обосновать понятие физики как основанного на опыте естествознания» [Кант 2000, 399].

Многочисленные варианты названия такой работы заключаются в попытках уточнения и конкретизации, когда вместо понятия *естествознания* используется выражение «наука о природе», явно показывающее, что под естествознанием философ понимает науку о *природе вообще*, как неживой, так и живой и разумной, то есть *мир в целом*. Например, двенадцатая папка (Convolut XII) дает вариант названия «Введение» в следующей редакции: «Об основанной на априорных принципах науке о природе вообще» [Там же, 349].

Второе уточнение связано с понятием *Anfangsgründe* («начало», «основа»), которое у Канта по большей части имеет вид записанного сокращенно сочетания двух слов – *Anf. Gr.* (то есть «начала оснований»); оба сокращенных слова Кант пишет

с большой буквы, где «начала» соотнесены с метафизикой (это философские начала), а «основания» – с естествознанием (*теоретическими основаниями наук о природе*). В *Opus postumum* речь идет об основаниях науки о природе в ее целом, когда природа и свобода не противопоставлены, а объединены в одной системе научного знания, да и слово «естествознание» может пониматься как *природоведение*. Например, заголовок, «Метафизические начала основ естествознания и принцип перехода от них к физике» [Kant 1936, 102] говорит, во-первых, о роли метафизических положений для получения оснований науки о природе и, во-вторых, о переходе от них к физике. Кант неоднократно заявляет, что не должно быть скачка, разрыва между положениями и принципами метафизики, по необходимости умопостигаемыми и умозрительными, и суждениями физики, по необходимости чувственно-эмпирическими; что между ними должен быть намечен последовательный, по возможности более постепенный, переход к теоретическим принципам все меньшей степени абстракции и общности, пока мы не достигнем многообразного материала, дающегося чувственностью, конкретными органами чувств.

К физике вообще, как естествознанию на том его уровне, где оно предстает уже не в многообразии являющихся непосредственно или явленных опосредованно, то есть с помощью эксперимента, тел, а в качестве универсального материального базиса всех тел природы, Кант возвращается много раз, ибо в этом и заключается материальное единство мира, отличающее трансцендентальную философию Канта от трансцендентного ее варианта. Вот показательное место из десятой папки (Convolut X): «Физика есть естествознание (Naturkunde), поскольку она субъективно представляет все движущие силы материи как принадлежащие к одной научной системе опыта, в которой материальное составляет совокупность этих сил, а форма образует связь этого многообразия в одно абсолютное целое предметов опыта» [Кант 2000, 391, 396–398]. Кант, естественно, не отказывает физике и движущим силам материи в объективности и имеет в данном случае в виду картину мира, а не мир сам по себе, так как «абсолютное целое» предметов опыта и «абсолютное целое» физических сил всегда остается для нас субъективно-неопределенным даже в качестве умопостигаемой идеи. От ошибки принимать субъективную (сознанием конституированную) картину мира за мир как таковой Кант предостерегает неоднократно.

От этого универсального уровня физики, каким является *physica generalis*, вполне естественен переход к *physica specialis*, так как общая физика максимально абстрактна в системе наук и ближе всех по уровню абстрактности к философии. На этом основании она со своими законами проникает в любую другую из специальных наук, составляя их универсальный базис, наряду с метафизическим. А потому биология, например, включает в себе такой уровень, как биофизика. Точно так же имеет свой физический уровень химия – физическая химия. Законам физики подчиняются и разумные существа на биофизическом уровне. Тем более к подобному кругу наук относится и такая комплексная наука, как *физическая география*, курс лекций по которой получил широчайшую известность и которую Кант читал много раз. И здесь в основе того множества эмпирических закономерностей, которые отмечал ученый, лежали теоретические физические законы, по природе своей умозрительные, следствием которых и были приводимые Кантом эмпирические географические регулярности. Такой же комплексной наукой была введенная Кантом в круг университетских наук антропология, соединяющая в себе биологию, физиологию и психологию, которой, как и любой другой науке, присущ теоретико-эмпирический характер.

В *Opus postumum* Кант сформулировал гипотезу универсального физического взаимодействия, частной формой проявления которого выступает гравитационное взаимодействие. В четвертой папке (Convolut IV), материалы которой относятся в основном к 1798 г., содержится текст, озаглавленный Кантом «Добавление. О природе в целом в пространстве и времени», в котором развивается взгляд на физику как на бесконечно эволюционирующую фундаментальную науку, подверженную *вечным* революциям. О природе в целом, в связи с физикой, философ пишет: «Человеческий

разум не удовлетворяется тем, чтобы перейти в исследовании природы от метафизики к физике: в нем заложен еще один инстинкт, хотя и тщетный, но все-таки не бесславный, – перелететь и эту последнюю и воспарить в некую *гиперфизику* (курсив мой. – Л.К.) и создать себе образ природы как целого в еще большем объеме, а именно в виде некоего мира идей согласно проекту, *приспособленному к моральным целям* (курсив мой. – Л.К.), так что лишь Бог и бессмертие души (первый как *natura naturans*, второе как *natura naturata*) одни могли бы окончательно замкнуть круг нашей жажды знания в отношении природы вообще» [Кант 2000, 344].

Этот фрагмент явно свидетельствует, во-первых, что Кант исходит из антропного принципа не только науки о природе вообще, но и физики, и что вопрос «Как возможен человек?» является для него основополагающим. Во-вторых, что *гиперфизика* призвана сделать ее (науку о природе вообще) частью физики в том виде, в каком она существует в момент написания Кантом этих строк: гиперфизика мыслится как развивающаяся наука, устремленная к некоему *идеалу физического знания* как такового, которое должно выступать побуждением к гипотезированию множества все новых состояний природы в ее историческом движении, гипотезированию явлений, которые устремлены к миру вещей в себе, к этому идеалу знания в качестве *совокупности всего возможного опыта*. В-третьих, что для этой цели Кант переосмысливает спинозистские понятия *природы порождающей* и *природы порожденной*, которые у него, в отличие от Спинозы, не абсолютны, а относительны.

Как идеал, то есть как полная совокупность всего возможного опыта, мир вещей в себе не может быть дан сознанию нашему в качестве завершеного и явленного предмета, точно так же и порождаемая им явленная и являющаяся картина природы находится в бесконечном процессе усложнения, в вечном движении к убегающему пределу. Революции в науке расширяют и горизонт, и устремленный к нему круг знаний.

Соотношение теорий по принципу соответствия уже применялось Кантом к таким методологическим системам, как телеология и механицизм. Как показывает философ, последний есть частный случай телеологии, если мы в условиях телеологии отвлечемся от обратного действия следствия на причину, тогда как в системе с целями не столько причина определяет следствие, сколько следствие определяет свою причину. Основным во взаимодействии причины и следствия оказывается обратное действие следствия. Собственно, принципу соответствия подчинено отношение между действительным и возможным опытом в «Критике чистого разума», поскольку действительный опыт неизменно предстает в качестве частного случая возможного. Исчерпав потенциал рассудка с его способностью быть конститутивным, ученый вынужден обратиться к регулятивным возможностям разума, выходя за пределы действительного опыта к гипотетическим горизонтам опыта возможного. Новая гипотеза обязана содержать все предшествующее, то есть действительное, знание по предмету, погружая его в более широкий контекст, снимая какие-то субъектом привнесенные и потому явно относительные черты имеющегося знания, в результате чего возрастает его гипотетический объем, требующий, разумеется, эмпирической верификации.

Экспликация принципа соответствия, содержащегося уже в понятии *научных революций*, состоялась лишь в «Критике способности суждения», хотя и здесь данный принцип не получил соответствующего названия – это было сделано только в 1923 г. Нильсом Бором, без сомнения, не без помощи Канта.

Размышления Канта над названием готовящегося труда

По мере выяснения особой фундаментальной роли физики в системе всех видов наук о природе исходное название работы все менее устраивало Канта. В названии «О переходе от метафизических основ естествознания к физике» два смысла понятия «*физика*», все более удаляющиеся друг от друга, скрывают подлинный смысл готовящегося труда. Приемлемый во времена Аристотеля смысл физики как науки о природе вообще, в XVIII в., когда науки о природе умножились, получив свой собственный

предмет, уже не соответствовал всей системе приобретенного за это время человечеством знания. Физика обретала специфику, включая свою особую роль в системе наук. Утратив смысл системы научного знания в целом, она становилась фундаментом этой системы. В этом процессе уяснения собственного предмета физика многим обязана усилиям Канта, предпринятым в *Opus postumum*, где ее законы рассматриваются как базовые не только для неживых тел, но и для тел живых и разумных.

Однако основной целью данного труда было построение доктринальной части системы трансцендентальной критической антропологии. Поэтому Кант искал все более приемлемое для этой цели название. Физика отступает на второй план, а на первый все более выступает система наук как целое. Кант намечает, например, такой вариант: «Философия как наукоучение в полной системе изложенная...» [Кант 2000, 526, 344, 349], где он использует введенное Фихте понятие наукоучения, переосмысливая его и вкладывая в него значение доктринальной части своей системы. Наукоучение предполагает у Канта как теоретический базис науки, так и эмпирический ее уровень, а наука предстает как система «специфических наук» [Кант 1964–1966 VI, 62]. Физике (теоретической и экспериментальной в их синтезе) здесь отводится роль основы всех наук, или основной науки, проникающей во все поры наук специальных и оказывающей воздействие на их частные закономерности.

В первой папке (Convolut I), где оказались в основном материалы трех последних лет работы Канта над этим не дающимся ему произведением – с декабря 1800 по февраль 1803 г., – пробные названия становятся все ближе к исходному замыслу, поскольку физика, предпринятыми в *Opus postumum* усилиями, приобрела новый, по сути своей, постнеклассический характер и не могла уже в этом виде претендовать на то, чтобы служить синонимом понятия наука вообще, научное знание в его целом. Физика во вновь приобретенном виде могла быть основой доктринальной части системы, но не самой доктриной во всем ее содержании. По-видимому, очень скоро Кант понял, что любая частная наука, а значит, наука вообще, обязана иметь свой теоретический уровень, объясняющий и направляющий весь ее эмпирический материал. Метафизические же начала являются общими и универсальными по отношению к науке вообще – это уже философская теория, надстраиваемая над наукой. Для науки она необходима, но недостаточна. В свете этих идей первоначальное название, в котором фигурирует переход к одной физике, явно сужает намерения Канта представить в итоге доктринальную часть своей системы, поэтому философ от него отказывается. Сделать такой вывод помогают исследования Г. Лемана, показывающие, как в процессе работы замысел Канта развивался и уточнялся (см. [Чернов 2000, 710–712]).

Можно проследить, как от листа к листу в Convolut I проясняется название и соответственная названию структура работы. Последняя страница всей огромной рукописи дает и окончательную формулировку: «Философия в ее полном изложении как наука» [Кант 1936, 158]. И здесь же еще один вариант: «Философия как научная доктрина» [Ibid.]. Очевидно, это и должно быть ответом на заключительный вопрос, поставленный еще в «Пролегоменах».

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кант 1964–1966 – Кант И. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Мысль, 1964–1966 (Kant, Immanuel, *Collected Works* in 6 Vol., Russian Translation).

Кант 1980 – Кант И. Тракаты и письма. М.: Наука, 1980 (Kant, Immanuel, *Treatises and letters*, Russian Translation).

Кант 1994 – Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994 (Kant, Immanuel, *Collected Works* in 8 Vol., Russian Translation).

Кант 2000 – Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М.: Прогресс-Традиция, 2000 (Kant, Immanuel, *From the Manuscript Heritage (Materials for the Critique of Pure Reason, Opus postumum)*, Russian Translation).

Kant, Immanuel (1936) *Kant's gesammelte Schriften*, Hrsg. von der Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, Bd. XXI, Georg Reimer, Berlin.

Kant, Immanuel (1972) *Briefwechsel*, Felix Meiner Verlag, Hamburg.

Ссылки – References in Russian

Калинников 1988 – *Калинников Л.А.* Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. Вып. 13. Калининград, 1988. С. 25–38.

Калинников 1993 – *Калинников Л.А.* Вл. Соловьев и И. Кант: этические конвергенции и дивергенции // Кантовский сборник. Вып. 17. Калининград, 1993. С. 101–116.

Чернов 2000 – *Чернов С.А.* Введение к примечаниям ко второй части: последний труд Канта // *Кант И.* Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 686–716.

References

Chernov, Sergei A. (2000) “Introduction to the notes to the second part: the last work of Kant”, *Kant, Immanuel. From the manuscript heritage (materials for the Critique of Pure Reason, Opus postumum)*, Progress-Traditsiia, Moscow, pp. 686–716 (in Russian).

Kalinnikov, Leonard A. (1988) “The Categorical Imperative and the teleological method”, *Kantovskii Sbornik*, Vol. 13, Kaliningrad, pp. 25–38 (in Russian).

Kalinnikov, Leonard A. (1993) “V. Soloviev and I. Kant: Ethical convergences and divergences”, *Kantovskii Sbornik*, Vol. 17, Kaliningrad, pp. 101–116 (in Russian).

Сведения об авторе

КАЛИННИКОВ Леонард Александрович –
доктор философских наук, профессор
Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта.

Author's Information

KALINNIKOV Leonard A. –
DSc in Philosophy, Professor
of Immanuel Kant Baltic Federal University.